

РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ IX—XII вв.

Проф. М. Д. Приселков

I

Над изучением русско-византийских отношений немало потрудились как историки Византии, так и русские историки. Но ни те, ни другие не предложили, однако, схемы, которая охватывала бы эти отношения на всем их протяжении—от IX до XV в.—и которая раскрыла бы их существо и смысл. Несомненно, что затруднения, возникавшие здесь перед исследователями, объяснялись особым рода отражением этих отношений как в византийских, так и в русских источниках. Только уяснение характера и назначения такого основного для понимания русско-византийских отношений источника, как русское летописание XI—XV вв., дает возможность теперь предложить подобного рода схему. Последняя опирается на работы предшествующих ученых, с большим успехом потрудившихся над уяснением и разгадкой некоторых моментов русско-византийских отношений, частью же требует еще дополнительных исследований и пересмотра некоторых вопросов.

В истории русско-византийских отношений на протяжении шести с лишним веков можно отметить три основных этапа. Начавшись с того времени, «когда магические чары, которые влекли северных варваров к западному Риму, привлекали Русь к Риму восточному», русско-византийские отношения коренным образом видоизменяются при Ярославе, когда Киевское государство и реально и формально заключает с Византией прочный и длительный военный союз против степняков (1037 г.). Союз этот, то слабея, то усиливаясь, в зависимости от сложного международного положения Империи и от внутренних явлений феодального распада Киевского государства, не был поколеблен падением Константинополя в 1204 г. и даже пережил время татарского завоевания.

Подчинение русских княжеств золотоордынским ханам явилось третьим этапом в истории русско-византийских отношений. Никейская Империя, используя широкую веротерпимость ханов и трактуя русско-византийские отношения как отношения религиозные, сохраняет за собою значение главного распорядительного центра русских княжеств и не без успеха распространяет сферу своего влияния на Литовское великое княжение через те русские княжества, которые вошли в его состав.

В настоящей статье мы остановимся лишь на двух первых этапах истории русско-византийских отношений, которые в совокупности охватывают время Киевского государства (IX—XIII вв.).

II

Плачевное состояние византийской историографии IX и первой половины X в. является причиной того, что до нашего времени сохранились лишь разрозненные и не всегда ясные упоминания о первых нападениях Руси на Византию в византийских культовых памятниках («житиях» и церковных поучениях). В первой четверти IX в. (если не в конце VIII в.) Русь совершает нападение на Крымское побережье от Корсуня до Керчи (Житие Стефана Сурожского). Во второй четверти того же IX в. (до 842 г.) Русь разоряет Малоазиатское побережье Черного моря от Пропонтиды до Синопа (Житие Георгия Амастридского). Наконец, 18 июня 860 г. Русь, прибыв на 200 кораблях, неожиданно нападает на Константинополь, используя для удара отсутствие императора Михаила, стянувшего войска для обороны малоазиатской границы. Император, вернувшись с дороги, начал мирные переговоры и заключил договор «мира и любви». Недельная осада Константинополя (18—25 июня) к величайшей радости византийцев была снята. Русь удалилась без поражения¹; для Империй все бедствия ограничились разорением окрестностей столицы.

Но Русь не только воюет с Византией, опустошая земли и города, она ведет и дипломатические переговоры. В мае 839 г., по сообщению продолжателя Бертинских анналов, послы Руси находились в Константинополе, ведя переговоры с императором Феофилом. К 866—867 гг. относится новый договор Руси с Византией о союзе и дружбе (не дошедший до нас, как и договор 860 г.), на этот раз закрепленный со стороны Руси принятием христианства от Византии и «епископа-пастыря» из Константинополя (Послание патриарха Фотия и биография императора Василия). Не без основания наш летописец конца XI в. связал поход 860 г. и принятие Русью христианства с тем обстоятельством, что на могиле Аскольда была поставлена церковь Николая. Из некоторых намеков в послании патриарха Фотия, написанном в связи с походом Руси 860 г., можно видеть весьма хорошее знакомство византийской дипломатии с этим новым тогда политическим образованием на далеком от Византии северо-востоке Европы.

Сохраненные автором «Повести временных лет» (начало XII в.) три документа из истории русско-византийских дипломатических отношений (911, 944 и 971 гг.) вводят нас с большими подробностями в существо этих отношений, где торговый интерес для русской стороны стоит на первом плане. Документы эти дают нам, сверх того, драгоценный материал для выяснения внутренней истории Руси, гораздо более надежный, чем припоминания и предания нашего летописания об этом времени (тенденциозное реконструирование им истории IX—X вв. теперь уже доказано)².

Про торговлю Руси еще в первой половине IX в. мы достаточно осведомлены через Ибн-Хордадбега. Районом этой торговли было в то время Черное море. Однако позднее Русь желает, очевидно, выйти на мировой рынок Константинополя, и ей удается добиться этого в середине IX в. Рынок Константинополя вовсе не был открытым торжищем для всякого «варварского» (т. е. негреческого) народа. Здесь можно было торговать, или признав над собою до некоторой степени власть Империи, или добившись путем открытого насилия от Империи признания себя как нового политического образования. В IX в., как мы видели, позиция Руси колебалась в этих противоре-

¹ Х. М. Лопарева, Старое свидетельство..., «Византийский временник», т. II, вып. 4.

² Статья эта была мной написана до моей работы «Киевское государство в половине X в. по византийским источникам», с которой я выступал на юбилейной сессии Ленинградского университета в апреле 1939 г.

чивых условиях. Сохранившийся до нашего времени договор 911 г. как бы заново начинает историю русско-византийских отношений.

Договор Олега 911 г. всем своим содержанием красноречиво говорит о только что пережитой победе Руси над Империей, о которой хорошо помнили народные песни и легенды у нас и в Скандинавии, но о которой совершенно молчат византийские источники. Впрочем, именно об этом походе и его результате говорит Константин Багрянородный (середина X в.) в таких выражениях: «Когда царь Ромейский (т. е. византийский) живет в мире с Печенегами, то ни Русь, ни Турки (т. е. венгры) не могут совершать нападений на Ромейскую державу (т. е. Византию), не могут они и требовать от Ромеев (т. е. византийцев) чрезвычайно больших денег и вещей в уплату за мир».

Договор 911 г. предусматривает право посещения Константинополя послами Руси, предъявляющими при этом золотые печати русского князя, гостями, предъявляющими серебряные печати, и, наконец, рядовыми воинами, желающими поступить на военную службу к императору. Всем этим лицам русский князь должен предварительно запретить «творить пакости в селах в стране нашей» (т. е. в Империи). Послы получают от императора содержание, которое они выбирают по своему желанию. Гости, приезжающие не только для продажи, но и для купли, получают от императора «месячину» (хлеб, вино, мясо, рыбу и фрукты) в течение полугода. Гости, приезжающие только для продажи, «месячины» не получают. Послы и гости должны проживать в предместье Царьграда, в монастыре Мамонта, где императорские чиновники ведут им учет для выдачи посольского содержания и «месячины». Здесь первое место отводится киевлянам, потом черниговцам, затем переяславцам и представителям других городов. Торговля для русских производится без всякой пошлины. На городские рынки купцы проходят через определенные ворота по 50 человек, без оружия и в сопровождении полицейского. При отправлении домой послы и гости получают от царя провиант на дорогу и корабельные снасти. Всякий русский воин, пришедший в Византию в рядах войска, высланного из Руси в помощь царю, или каким-либо иным путем, может, если пожелает, остаться в Византии на царской службе.

В договоре достаточно подробно разобраны возможности столкновений русских с греками как личного, так и имущественного характера, с определением норм взысканий «по закону русскому». В нем указаны также взаимные обязательства сторон в отношении пострадавших от кораблекрушения.

Договор 911 г., ни словом не упоминая ни о христианстве Руси, ни о церковных связях Руси с Империей, однако перекидывает мостик к одному из предыдущих договоров Руси с Империей, называя себя «удержанием» и «извещением»—«от многих лет меж христиан и Русью бывшею любовью». Разнообразие затронутых в договоре Олега тем и детальность их изложения свидетельствуют о живых и сложных взаимоотношениях сторон, возникших не со вчерашнего дня, и, естественно, ведут нас к известным нам взаимоотношениям конца IX в. Надо думать, что Олег считал себя продолжателем политики и власти прежних руководителей Киевской державы (IX в.).

Ряд византийских свидетельств сообщает нам, что в 941 г. Русь приняла новый поход на Царьград с огромными силами (их исчисляли в 40 тысяч). Поход этот, как и в 860 г., был начат с расчетом на отвлечение византийского флота против сарацин, вследствие чего греки, несмотря на своевременное предупреждение херсонесского стратига, не смогли удержать игоревых войск до самого Царьградского протока. Однако Игорю не удалось взять столицу Империи; русские войска стали опустошать

малоазиатское побережье от Босфора до Вифинии и Пафлагонии, где были застигнуты войсками Империи и понесли тяжкое поражение. Лишь с ничтожными остатками войска Игорь ушел через Азовское море, избегая тем, конечно, засады печенегов на Днепре.

Только в 944 г. разрыв русско-византийских отношений был ликвидирован заключением нового договора. Последний, хотя и был прокламирован в тексте как «обновление» старого договора (911 г.), был во многом менее выгоден для русских. Послы и гости теперь обязывались предъявлять императору письменный документ от русского князя, где должно было быть указано количество отправленных кораблей; прибывшие без такого документа арестовывались, о чем сообщалось русскому князю. Торговля без пошлины была прекращена. Закупка паволок ограничивалась нормой в 50 золотников на купца. Введена новая статья о запрещении зимовки судов в пределах Империи. Повторяя статьи договора 911 г. о нормах кары за преступления против личности и имущества подданных договаривающихся сторон, договор 944 г. вводит ряд новых тем. Среди них первая, конечно, корсунский вопрос. Если русский князь не станет захватывать в свою власть города этого побережья, то греки будут оказывать ему помощь в его войнах «на тех странах». Русские не должны препятствовать корсунам ловить рыбу в устье Днепра и должны уходить осенью домой как из днепровского устья, так и с Белобережья и от Эльферия. Русский князь берет на себя обязательство не пропускать Черных болгар «пакостить» Корсунской стране. Наконец, император имеет право вызывать на помощь себе в военное время русские «вои», письменно указывая их количество, при этом он, со своей стороны, обещает предоставлять военную силу в распоряжение русского князя, «елико тебе», очевидно, для защиты византийских владений в Крыму.

Не касаясь некоторого принижения русской стороны в договоре 944 г., по сравнению с договором 911 г., и не входя в рассмотрение урезывания торговых прав русских купцов против договора 911 г., мы укажем на новое обстоятельство в истории Руси, вытекающее из содержания договора 944 г. Игорева Русь, прочно завладев землями на Черном море, вовлекается в союз военной помощи с Империей при условии уважения византийских прав. Не вытекает ли отсюда, что Русь после неудачи 941 г. добилась договора 944 г. счастливой войной на «Корсунской стране», где Русь уже прочно обосновалась как сосед Империи, если не соперник по обладанию хазарским наследством? В таком случае перед нами аналогия с положением в апреле 989 г., когда Владимир корсунским походом добывается от Империи выполнения обещаний 988 г.

Как известно, современник Игоря и Ольги, император Константин Багрянородный, в своем сочинении «De administrando imperio» неоднократно говорит о Руси, ее политическом устройстве, ее торговле с Империей, являясь как бы комментатором дипломатических актов 911 и 944 гг. Насколько византийская дипломатия тщательно изучала участников международной дипломатической игры и возможных агрессоров, видно из того, что Константин, описывая торговую дорогу из Киева в Царьград, может назвать днепровские пороги по-русски и по-славянски.

Если договор Игоря 944 г. оставляет открытым вопрос о возможности принятия христианства киевским князем, то в правление вдовы Игоря в Киеве эта возможность реализуется, правда, не как крещение Киевского государства, а как личное дело «архонтиссы» Ольги. Если исходить из источников русских, византийских и западных, можно спорить о том—один или два раза ездила Ольга в Константинополь, но на основании сочинения того же Константина Багрянородного о церемониях Византийского двора мы бесспорно можем установить, что в проезд свой в столицу Импе-

рии в 957 г. Ольга была уже христианкою и имела в составе свиты своего попа. Целью ее приезда были дипломатические переговоры с императором. Как известно, Ольге были даны две аудиенции—у императора и императрицы. Принятая с теми же церемониями, что и бывшие до нее у императора сирийские послы, «архонтисса руссов» уехала из Византии с чувством недовольства от бесцельности поездки и глубокой обиды за себя и за свой народ. Это ярко запечатлелось в народной песне, об этом было сложено немало преданий, частью использованных нашим летописанием. Договор 945 г. дал нам возможность убедиться, что у киевского князя было немало тем для дипломатических переговоров с Империей; но у нас нет данных для догадки, какие из них имела в виду Ольга, стремясь к личным переговорам с императором. Однако, каковы бы ни были эти темы, причина неудачи переговоров Ольги совершенно ясна. Император в ту пору считал, что на севере Империя любой ценой должна поддерживать дружбу только с печенежским народом, так как страх нападения со стороны последнего будет держать в должных границах и венгров и русских.

С именем императора Никифора Фоки справедливо связывают крупный перелом византийской политики на севере, вовлекший в свой водоворот и киевского князя Святослава. Задавшись целью покорить Болгарию и сделать ее византийской областью, император этим передвигал свою северную границу в степь. Он разрушал систему политических группировок степных и пристепных народов, о которой император Константин в своем трактате о северной политике Империи хвастливо говорит как о великом достижении византийской дипломатии. Не без основания историки считают стремление Фоки покорить Болгарию, так мучительно пережитое болгарским народом, тяжелою ошибкою, последствия которой сказались до конца существования Империи.

Приступив к задуманному покорению болгар, Никифор Фока вскоре был вынужден отвлечься для защиты сирийских границ от арабов. Как известно, он обратился к киевскому Святославу. С 60-тысячным войском Святослав в 968 г. вторгается в Болгарию и имеет здесь несомненный военный успех. Отвлеченный на время в Киев для защиты Киевского государства от нападения печенегов, организованного испугавшимися византийцами, Святослав вновь возвращается в Болгарию. Туда же в 971 г. спешит преемник Фоки Иоанн Цимисхий, только что закончивший арабскую войну и справившийся с военным бунтом Варды Фоки. Под личной изобавителя болгарского народа от насилия русского завоевателя Цимисхий добивается поддержки болгар и, пользуясь оплошностью Святослава, не охранившего горных проходов, начал блокаду Доростола, длившуюся три месяца. После отчаянной, но неудачной попытки прорвать блокаду Святослав начал переговоры, в результате которых выговорил себе право вернуться домой, получить на дорогу провиант (хлеб был выдан на 22 тыс. воинов) и возобновить торговый договор, т. е., вероятно, договор 944 г. Помимо этого сохранился в летописи письменный договор, датированный тем же 971 г. и относящийся к этим же доростольским переговорам Святослава. Конечно, было бы неправильно называть его договором Святослава с Цимисхием, поскольку в этом документе нет двух договаривающихся сторон, а налицо лишь письменное подтверждение Святославом своих обязательств императору. Обязательства заключались в том, что он, Святослав, не будет вновь воевать с Империей, не будет поднимать на Империю другие народы, также ни на Корсунскую сторону, ни на Болгарию, а в случае вражеского нападения на Империю должен будет воевать с врагом Империи. Едва ли это клятвенное обещание Святослава имело в виду только печенегов, как обычно толкуют историки. Есть все основания думать,

что, когда Империя в затруднительных обстоятельствах военных бунтов 986—989 гг. обратилась за помощью к киевскому Владимиру Святославичу, она опиралась при этом именно на обязательство, которое взял на себя киевский князь в 971 г.

Известно, что византийским политикам пришлось требовать помощи от киевского князя дополнить обещанием византийского императора отдать в жены киевскому князю свою сестру, при условии, конечно, крещения Киевского государства. Это дополнение вызывалось критическим положением правящей династии. Требуемая помощь Владимиром была оказана, но при исполнении другою стороною договора возникли задержки и трения, что привело в апреле 989 г. к войне между союзниками и взятию Владимиром Корсуня. Только тогда Византия выполнила свое обещание при условии status quo ante, и Владимир вернул Империи Корсунь «за вено царицы деля».

В дальнейшем мы не усматриваем, однако, прочных связей между Империей и Киевским государством—ни политических, ни церковных. Византия не только не проявляет никакого интереса к новой «христианской» державе, но даже едва ли не вызывает печенежскую рать, которая на долгие годы закрывает для Киева возможность нормальных сношений с Империей.

У нас есть указание, что в 1016 г. брат Владимира Сфенгос помогал Империи в ее войне с Хазарией. Под 1018 г. Титмар упоминает о каком-то посольстве из Киева в Византию. Наконец, называется какой-то свояк Владимира Хрюсохейр, который в 1023/24 г. совершил набег с 800 воинов на Дарданеллы, прорвался к Лемносу, где и погиб в бою. Трудно, однако, связать все эти разрозненные указания с известиями наших летописей и с общей линией русской и византийской политики этих годов. Только под 1037 г. узнаем мы из наших летописей о возобновлении русско-византийских отношений, причем новая форма их дает нам право говорить о втором периоде этих отношений.

Остановимся на одном любопытном обстоятельстве, лишь в недавнее время выясненном с достаточной полнотою. «Окрещенная» Русь до 1037 г. была лишена в своем церковном устройстве организованного руководства или опеки со стороны греков; а усвоенные ею христианское учение и культовая практика отличались от учения и практики византийской. Учение Византии было к этому времени проникнуто мрачным монашеским духом и унынием, а практика сводилась к строгим требованиям постов и лишений. Русское же христианство было пронизано необычайной жизнерадостностью, а практика сводилась к требованиям милостыни для бедных и к участию в особых пирах, выражающих чувства радости и любви. Русские князья и высший круг феодальной знати и после 1037 г. не принимали перед смертью монашеского пострижения, а в русских литературных трудах мы постоянно встречаем толкование (даже в XII в.), что заслужить звание святого нужно и возможно, не уходя из мира, а оставаясь в нем. Единственный (до XIII в.) князь, близкий к греческим церковникам Киева и принявший монашество, не будучи старым, получил ироническое прозвище «Святоши», закрепленное за ним в летописи.

Греческие церковники, водворившиеся в Киеве в 1037 г., приложили немало усилий, чтобы затемнить или исказить отображение характера русского христианства от крещения Владимира до 1037 г. в памятниках нашей письменности, считая его оскорбительным для авторитета Империи; они даже пытались ввести в культовую русскую практику греческий язык вместо старославянского. Попытки такого рода имели лишь частичный успех при некоторых князьях, как, например, при полугреке Владимире Мономахе, но не дали каких-либо прочных результатов. Они навсегда

были заклеяны иронической народной присказкой: «шли они лесом, пели куролесом», где слово «куролесом» является переделкой греческих слов «кирие, элейсон»—«господи, помилуй».

III

Назначение главою русских церковников митрополита-грека, присланного из Империи в 1037 г., следует квалифицировать как большой успех византийской политики, считавшей всегда церковные отношения неотделимою частью отношений политических. Теперь Киевское государство вступило в более тесные отношения с Империей. Русский князь получил звание стольника императора, а агент Империи, поселившийся в Киеве в качестве русского митрополита, стал играть видную политическую роль не только как проводник распоряжений Империи, но и как один из направляющих центров междукняжеских отношений.

Что же заставило Ярослава пойти на эти условия, в некоторых отношениях похожие на подчинение политике Империи? Ответом на это, как и разгадкой последующих взаимоотношений Руси и Византии, никогда окончательно не порывавшихся, является обострение «степного» вопроса, требовавшее от Ярослава изыскания союзников и помощи. Грозное вторжение в пределы Киевского государства печенежского народа, утратившего свои степные кочевья и гонимого неисчислимым потоком новых степняков с востока, вторжение, с трудом отбитое Ярославом в 1036 г. с помощью наемного заморского войска, открывало первую страницу новой степной истории. Военный союз с Империей казался Ярославу, очевидно, лучшим выходом. Но Византия весьма скоро дала почувствовать свою «игемонию» столь остро, что в 1043 г. произошел разрыв, а вслед за ним и военный поход Руси на Царьград. Михаил Пселл, очевидец этого похода и глава византийского управления, называет в своем сочинении этот поход Руси «восстанием» новых подданных против власти императора, а причину похода он видит в яростной ненависти русских к установленной над ними «игемонии» Империи. Поход 1043 г., несмотря на значительные русские силы (20 тыс.), закончился поражением нападавших. Победитель, смотря, повидимому, на пленных как на бунтовщиков, подверг их ослеплению.

Однако через три года Византия сама стала искать мира с Киевским государством, что надо поставить в связь с печенежским вторжением в пределы Империи—в бывшие болгарские земли. Но мир этот был еще очень далек от форм взаимоотношений 1037 г. Так, в 1051 г. Ярослав поставил в Киеве во главе русской церкви русского человека Иллариона, не обсудив этого назначения в Царьграде. Только в 1052 или 1053 г. Империя смогла ликвидировать столь длительный (почти десятилетний) разрыв с Ярославом и добиться его согласия принять митрополита-грека из Константинополя. Мир был окончательно восстановлен благодаря браку сына Ярослава Всеволода с дочерью императора Мономаха.

Набухавшая от прилива все новых и новых орд степь, с одной стороны, раздел Киевского государства между сыновьями Ярослава, т. е. ослабление единого фронта Руси против степи, с другой стороны,—все это не могло не вызывать беспокойства и усиленного внимания к русским делам со стороны Империи. Создание в 1059 г. союза трех старших Ярославичей, сопровождающееся разделением единой русской митрополии на три митрополии, по числу участников союза (Киев, Чернигов, Переяславль), следует объяснить содействием византийской дипломатии. Роль этих митрополитов, освободивших своих князей от выполнения присяги Всеславу полоцкому, т. е. вероломно выдавших Ярославичам Всеслава за его отказ помогать в обороне южной границы и участвовать в военных действиях против половцев,—

наглядно показывает нам, как глубоко проникала рука Византии через своих агентов во внутренние дела Руси.

Неудачный поход Ярославичей в 1068 г. против половцев, бегство Изяслава из Киева и возведение на киевский стол вероломно плененного Всеслава полоцкого можно считать переломным моментом в новых попытках установления византийской опеки над политикой Руси. Русские княжества прекратили борьбу со степью в союзе с Византией и согласились на ежегодную уплату дани половцам за мир и спокойный путь через степь. Вскоре, уже во время междоусобной борьбы Ярославичей, разорвавших свой прежний тройственный союз, княживший в Киеве Святослав пытался разорвать связь с Византией и в церковных делах. На это мы имеем прямое указание в письмах императора Михаила VII Дуки в Переяславль к князю Всеволоду, тогда еще сохранявшему церковную связь с Империей. Опасаясь присоединения Всеволода к Святославу, император поспешил предотвратить разрыв предложением нового брачного союза между своим домом и домом Всеволода.

Смерть Святослава в 1076 г. дала возможность Всеволоду, севшему теперь на Киевский стол, восстановить единую митрополию на Руси с митрополитом-греком во главе. Империя, со своей стороны, учла на будущее печальный опыт раздела митрополии в 1059 г. и до татарского завоевания упорно отстаивала единство митрополии в Киеве.

Активное участие и заинтересованность византийской дипломатии того времени в русских делах яснее всего видны в деле Олега Святославича, лишённого дядьями наследства. Когда, после неудачной попытки силою захватить наследственные земли, Олег вынужден был бежать в Тмуторокань, там он был захвачен хазарами и послан в Империю, где и томился до 1083 г. Две зимы и два лета провел Олег на о. Родосе и, кажется, успел даже жениться там на представительнице византийского знатного дома Музалюнов¹. Выпущен из плена Олег был по сговору императора со Всеволодом киевским; с Олега, видимо, было взято обещание не искать отцовского наследства при жизни Всеволода, что Олег и выполнил.

Время княжения Всеволода, породнившегося с византийскими императорскими фамилиями, было благоприятным для упрочения на Руси византийского влияния. Империя, пережившая на северной своей границе половецко-печенежские нападения 80-х и 90-х гг., не проявляла по отношению к Киеву политической агрессии. Ее деятельность ограничивалась лишь литературными трудами, в которых проводилась мысль о том, будто церковная опека Византии существовала с первых дней крещения Руси. Поскольку нажим Империи и по этой линии вызвал недовольство в Киеве, Империя пошла на уступки: после смерти весьма образованного грека-митрополита (1089 г.) в Киев был прислан заместителем его некий Иван «скопчина», который, по выражению летописи, был и «не книжен» и «умом прост».

Время княжения Всеволода следует отметить как конец расцвета торговли Киева с Византией. В 1082 г. Алексей Комнин дал хрисовул Венеции в благодарность за помощь Империи флотом во время сицилийской войны. Этим хрисовулом Венеция была поставлена в лучшие условия в своих торговых сношениях и оборотах, чем даже подданные императора. Свобода от всяких сборов и право почти повсеместной торговли, отвод для поселения и товаров особых кварталов в городе и особых пристаней для кораблей—вот что помогло Венеции весьма скоро стать мировой торговой

¹ Н. П. Лихачев, [Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, Л., 1928, стр. 136 сл., где дана литература.

державой. Последнее обстоятельство отодвинуло на задний план киевскую транзитную торговлю и лишило Киев его бывшего богатства.

Совместный удар в апреле 1091 г. печенежско-половецких сил на Константинополь, поддержанный морским нападением пиратского флота Чаха, едва не подверг Империю гибели. Перед Византией во весь рост встал, наконец, вопрос если не об уничтожении, то, по крайней мере, об обессилении степи как постоянной угрозы северным границам. После 1091 г., когда половцы перешли за Днепр и стали хозяевами степей от Дуная до Яика, деятельность византийской и русской дипломатии оживилась, причем византийцы считали киевского князя центром общерусского степного союзного фронта. Когда в 1095 г. половцы подошли к византийским границам и угрожали вторжением в Империю с целью возведения на престол какого-то авантюриста, Святополк киевский тотчас послал своего адъютанта в Переяславль к Мономаху, чтобы помешать заключению мира между Мономахом и ордою хана Итларя, прикрывавшего отлив половецких сил из степи. Несомненно, что узнал об этом Святополк от византийской разведки. Мономах, узнав, что Итларь не имеет опоры среди степных половецких сил, вероломно «избил» орду Итларя, что повлекло за собой месть со стороны половецких орд и длительные военные действия.

Стремясь к разложению степи, Византия всячески разжигала ненависть и смертельную вражду между половцами и подвластными им печенегами и торками, с одной стороны, и заботилась об укреплении русского фронта против степняков—с другой. Именно к таким моментам относится известное определение задачи русской митрополии как «восстязивания» русских князей «от кровопролитья», т. е. междоусобных драк, ошибочно толкуемое историками как постоянная задача греческой политики в Киеве.

Как известно, «снимы» князей породили знаменитые общерусские походы в степь, которые, вместе с разложением половецкого господства изнутри, надолго подорвали мощь половцев и ослабили опасность их нападений для Руси и Византии.

Задача разгрома степи, поставленная Алексеем Комнином в ответ на унижение, пережитое Империей в 1091 г., и продолженная его сыном Калоиоанном, заставляла участников на время забывать все внутренние трения. Святополк киевский и Мономах переяславский, всю жизнь смертельно враждовавшие между собою, оказались верными союзниками в борьбе с половцами и бились плечом к плечу в далеких степных походах. Попытку Мономаха в 1116 г. посадить на византийский престол своего зятя «Леона царевича», а после смерти его от руки подосланных императором убийц удержать за собой занятые Леоном на Дунае города—Империя рассматривает как досадное недоразумение, которое благополучно закончилось выдачею внучки Мономаха (дочери Мстислава) «за царь».

Галицкое княжество, соприкасавшееся своею дунайской границей с Империей, более других было способно оказывать Империи военную помощь против степи. Вот почему византийская дипломатия поспешила создать галицкому князю особое положение сравнительно с другими русскими князьями. В 1104 г. дочь Володаря Ростиславича вступила в брак с сыном императора Алексея Комнина [вероятнее всего, с Исааком, отцом будущего императора Андроника (1183—1185 гг.)], и с этих пор галицкий князь официально называется «вассалом» Империи¹.

Вмешательство Византии во внутрикняжеские отношения можно наблюдать во время княжения в Киеве сына Мономаха Мстислава. Когда при нем между Киевом и Полоцком установились те же отношения, что при трех Ярославичах, т. е. когда полоцкие князья не стали слушать зова

¹ C i n n a m, ed. Вdnn, p. 115; 18.

киевского князя о помощи для защиты южных границ от половцев, Мстислав, попрекая полоцких князей тем, что они «мольяху Бонякови шелудивому во здоровье», арестовал всю их семью и, усадив в три ладьи, «поточи Царюграду» (1129 г.).

Ослабление угрозы со стороны половецкой степи, развязавшее Империи руки на севере и открывшее для нее возможность взяться за решение спора с Сицилией за обладание италийскими землями, способствовало некоторому упадку былых русско-византийских отношений, распаду союзных с русскими князьями предприятий Империи против степи. Теперь русские князья совершенно самостоятельно налаживают более или менее устойчивые отношения с половцами. Опоясанные, как раньше, степными линиями искусственных укреплений, теперь поселениями степных народов, ушедших из степи из-за нежелания подчиняться половцам, русские княжества знают только те две орды, которые с севера закрывали собою степные просторы. С этими двумя ордами и договаривается киевский князь об уплате денег за спокойствие на границах и за спокойную торговую дорогу через степь.

Пользуясь все растущей феодальной раздробленностью, охватившей и семью Мономаха, греческая агентура в Киеве проявила большую активность по части захвата влияния в отдельных княжествах путем назначения туда греков-епископов. Такое усиление влияния Империи закончилось неблагоприятно для ее авторитета. В 1145 г. митрополит Михаил был вынужден покинуть Киев и Русскую землю и вернуться в Империю. Это событие следует приравнять к разрыву дипломатических связей, открывавшему перспективу самых глубоких изменений в отношениях Руси и Византии.

Создавшаяся в эту пору весьма выгодная для Византии и достаточно прочная международная комбинация союза двух Империй расколола все государство Европы на два враждебных лагеря. Русские княжества также разбились на две враждебные группировки: на стороне Византии оказались, кроме «вассала»—Галиции,—Юрий суздальский и ряд других мелких князей; против Империи—Изяслав Мстиславич с черниговскими князьями. Одним из поводов для борьбы Изяслава в союзе с Венгрией против Юрия суздальского было поставление на русскую митрополию русского кандидата Климента Смолятича. Однако полной победы здесь Изяславу одержать не удалось, и даже брат его Ростислав не поддержал его. Смерть Изяслава, победа и водворение в Киеве Юрия суздальского временно способствовали возобновлению сношений с Империей путем присылки митрополита из Константинополя (1156 г.). Новый представитель Империи проклял умершего Изяслава и начал преследование всех церковников, замешанных в назначении Климента. Смерть Юрия и смена князей на киевском престоле привели к неоднократному пересмотру русско-византийских отношений, закончившемуся тем, что оба кандидата в митрополиты (русский Климент и грек Константин) были устранены и из Царьграда был прислан новый митрополит-грек. Попытка нового митрополита ввести в русских княжествах практику постов, принятую в Империи, была единодушно истолкована всеми русскими князьями как стремление Империи усилить свое влияние и отвергнута. Предпринятая через несколько лет новая попытка в этом же направлении, являвшаяся выполнением прямого распоряжения императора, привела к изгнанию митрополита из Киева и русских княжеств, т. е. к новому разрыву русско-византийских отношений. Несколько позднее Империи удалось восстановить эти отношения ценою отказа от подобного рода опеки, но это стоило ей немало хлопот и труда.

В несколько запутанном рассказе византийского историка Киннама изложен, как всегда, с большим самодовольством и хвастовством, любопыт-

нейший эпизод снаряжения на Русь (в 1164 г.) императором Мануилом, готовившимся к новой войне с Венгрией, торжественного посольства во главе с Мануилом Комнином, близким родственником императора¹. Посольство это должно было положить конец тревожившему императора пребыванию в Галиции претендента на императорский стол Андроника, искавшего помощи у половцев, отвлечь Галицию от намечавшегося союза ее с Венгрией и, наконец, втянуть в войну с Венгрией Ростислава киевского. Как ни уверяет Киннам, что это посольство имело успех, факты говорят другое. Правда, Андроник, отказавшись от мысли завоевать престол силою оружия, решил вернуться в Византию, после чего для Галиции было выгоднее возобновить союз с Империей, но о вовлечении Ростислава в войну с Венгрией, скрепленном якобы клятвою Ростислава, у нас нет никаких подтверждений.

Во время упадка Киева как распорядительного центра русских княжеств в борьбе со степью киевский князь не утратил исключительного права сношения с Империей по всем делам русских княжеств, потому что агент Империи—митрополит—оставался в Киеве. Вот что мы читаем об этом у Киннама: «А есть в Тавроскифии некий город, Киама по названию, который является главным из находящихся там городов и служит вместе и митрополией этому краю. Архиерей является сюда из Византии; этому городу принадлежат особенно все прочие преимущества». Несоответствие этих «особливых преимуществ» Киева со значением этого города в политической расстановке русских княжеств, среди которых стало выдвигаться на первое место Владимиро-Суздальское княжество, привело к разгрому в 1169 г. Киева Андреем Боголюбским. Последний посадил в Киеве своего подручного князя и поставил перед Империей вопрос о перенесении митрополии во Владимир или о создании там самостоятельной митрополии. И то и другое было отвергнуто Империей, желавшей сохранить единство руководящего центра и учтивавшей все выгоды пребывания своего агента именно в Киеве, хотя и утратившем самостоятельное значение и ставшем предметом борьбы между суздальским и галицким князьями.

Попытка Андрея самостоятельно поставить во Владимире митрополита и добиться его признания в Византии, минуя Киев, успеха не имела. Кандидат Андрея на митрополию был подвергнут в Киеве жесточайшей казни, какая применялась в Византии лишь к политическим преступникам.

Домогания Андрея не заглохли после его смерти. Всеволод Большое Гнездо, восстановив во всей полноте власть и политику брата Андрея, вновь поднимает перед Империей вопрос о перенесении митрополии во Владимир, особым летописным сводом доказывая переход на Владимир значения распорядительного политического центра, которым некогда являлся Киев. Хотя Всеволод позднее оказал немало существеннейших услуг Империи (поход в степь в 1199 г.), киевская митрополия осталась единой и не переменила своей резиденции.

Распад союза двух Империй и новая сицилийская война поставили Византию в трудное положение, усугубляемое назревающим восстанием болгар, искавших помощи у половцев. Это вынуждает Империю, по выражению византийского писателя того времени Никиты Хониата, «умолять» через митрополита в Киеве русских князей отвлечь половцев от болгар, организуя с этой целью глубокие степные походы. Успех этого плана, исходившего от императора Андроника, лично хорошо знавшего силы и русских и половцев благодаря своему пребыванию в Галиции в период бегства из Византии, сопровождался победою Империи над сицилийцами. Но русские южные княжества тяжело пережили эту победу из-за гибели

¹ C i n n a m, ed. Bonn, p. 235—236.

войск Игоря новгород-северского (1185 г.), натолкнувшегося в степи на отхлынувших от болгарской границы половцев, и разграбления половцами Переяславского и частью Черниговского княжеств.

Вспыхнувшее в 1186 г. болгарское восстание вовлекло в борьбу с Империей едва ли не все половецкие силы. Начались ежегодные набеги на цветущие области Византии, причем византийское военное искусство оказалось бессильным защитить имущество и население этих областей. Византийская дипломатия, несмотря на всю свою изворотливость и изобретательность, не могла воссоздать былых общерусских степных походов и добилась лишь отдельных разрозненных выступлений сильнейших феодальных центров того времени (поход Всеволода суздальского в степь в 1199 г.) и Романа галицкого в 1202 г.). В качестве следа заискиваний Империи перед русскими князьями в этот период остались титул великого князя, полученный Всеволодом суздальским в 1186 г., Рюриком киевским в 1199 г., Романом галицким в 1202 г., а также брак внучки Святослава киевского с представителем императорского дома Ангелов (1193 г.).

Падение Византии в 1204 г. не прервало русско-византийских отношений. Никейская империя была признана всеми русскими княжествами как продолжение былого церковно-распорядительного центра—Византийской империи. В событиях времени татарского завоевания Никея и русские княжества, предоставленные Западом самим себе, нашли общие пути и средства к выработке новых татаро-византийско-русских отношений, просуществовавших не одно столетие.

